

Тулупов Николай Васильевич

**Родные сказки по Афанасьеву
и другим сборникам**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Васильевич Т.**
Родные сказки по Афанасьеву и другим сборникам / Тулупов Николай Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 188 с.

ISBN 978-5-519-77615-8

ISBN 978-5-519-77615-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

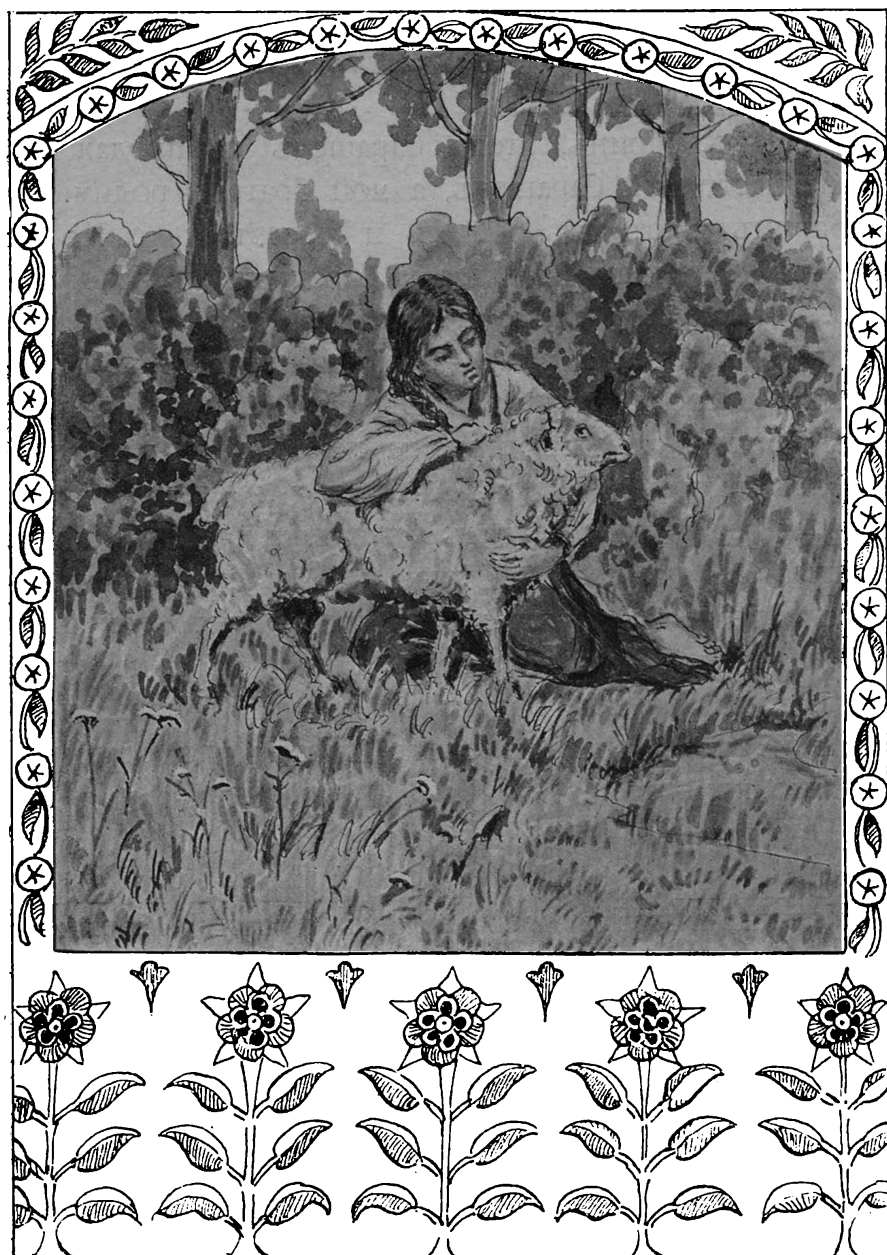
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Продай барашка, красная дѣвица!

Аленушка:

— Нѣтъ, баринъ, этотъ барашекъ не продажный: это не настоящій барашекъ, а мой братецъ родимый.

Баринъ взялъ ихъ обоихъ и повезъ къ себѣ; потомъ на Аленушкѣ женился, а барашка берёгъ и хольилъ. Жили они очень счастливо. Добрые, на нихъ глядя, радовались, а злые — завидовали. Больше всѣхъ завидовала сосѣдка, старая вѣдьма: думала она, что баринъ женится на ея дочери, да не по ея вышло.

Вотъ задумала вѣдьма Аленушку извести и стала ее подстерегать. Пошла разъ Аленушка гулять, а вѣдьма схватила ее, навязала ей тяжелый камень на шею и бросила въ рѣку. Дочку же свою обернула Аленушкой и послала въ барскія хоромы. Никто ее и не rozpoзналъ: самъ баринъ обманулся. Одинъ барашекъ все зналъ; не ѣстъ онъ, не пьетъ, ходитъ по берегу да жалобно кричитъ.

III.

Услышала новая барыня, какъ кричитъ барашекъ, и говоритъ барину:

— Вели барашка зарѣзать.

Удивился баринъ: «Какъ это, — думаетъ онъ, — жена такъ любила барашка, а то вдругъ велитъ его рѣзать!» Однако согласился.

И велѣла вѣдьмина дочь наточить ножи, разложить костры и нагрѣть котлы. Провѣдалъ барашекъ, что ему недолго жить, легъ на бережку у рѣки и причитываетъ:

«Аленушка, сестрица моя!
Меня хотятъ зарѣзати:
Костры кладутъ высокіе,
Котлы грѣютъ чугунные,
Ножи точатъ булатные».

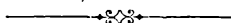
А Аленушка изъ-подъ воды братцу въ отвѣтъ:

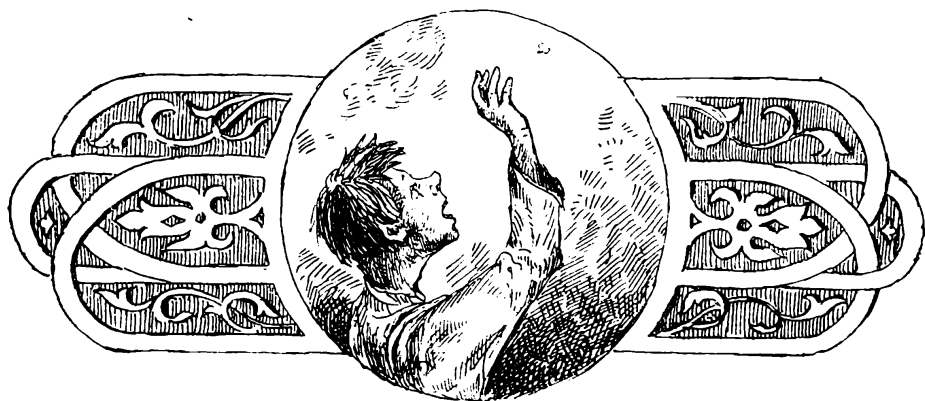
«Ахъ, братецъ мой, Иванушка!
Тяжелъ камень шею перетѣръ,
Шелкова трава на рукахъ свилась,
Желты пески на грудь легли».

Баринъ былъ неподалеку; услыхалъ онъ, какъ Аленушка съ братцемъ переговариваются, и сталъ своихъ людей звать:

«Собирайтесь вы, люди дворовые,
Закидывайте неводъ шелковые!»

Собрались люди, закинули неводъ и вытащили Аленушку. Отрѣзали камень, окунули ее въ чистую воду и обтерли полотенцемъ. Ожила Аленушка и стала еще краше прежняго. Бросилась она барашка обнимать, а барашекъ сталъ уже Иванушкой. Зажили они тогда втроемъ лучше прежняго, а вѣдьмину дочь слуги метлами со двора прогнали.

Аѳоня дурачокъ.

I.

Жили-были три брата: двое умныхъ, Кирила да Гаврила, а третій дурачокъ Аѳоня. Жили они дружно, и хотъ старшіе братья меньшого журили, а бить не били: вѣдь въ дуракѣ и Богъ не воленъ, ума къ кожѣ не пришьешь; ты стели ему вдоль, а онъ мѣритъ поперекъ; что ни скажетъ, что ни сдѣлаетъ, все не по-людски, а по своему, по дурацкому разуму!

Вотъ сидитъ онъ разъ на завалинкѣ да мухъ бьетъ; извѣстно, что на дурака и муха падка. Идетъ сосѣдка, ищетъ сынишку и говоритъ:

— Охъ, охонюшки, не видалъ ли ты, Аѳонюшка, моего Васьки?

— Видѣль,—говорить дуракъ.

— Ахъ ты мой, такой сякой разумный, гдѣ же и когда ты его видѣль?

— А какъ невѣстка его била,—говорить дуракъ,—тогда видѣль!

— Твоя невѣстка моего Васютку била! Да за что же это она на него, злодѣйка, взѣлась?

— А вотъ за что: говорить, по чужимъ огородамъ не ходи! Да каково больно била-то,—прибавилъ дуракъ,—даже жалко стало.

— А ты чего смотрѣль, не отнять? — приставала сосѣдка.

— Некогда было, невѣстка за веревкой въ клѣть посылала.

— А на что ей понадобилась веревка?

— Ваську вязать.

— Ахъ, батюшки свѣты!

Тутъ дуракъ испугался, что проговорился, и началъ бабу просить, чтобы она никому не сказывала, какъ невѣстка Ваську била, да на веревку посадила и отвя-
зывать запретила.

— Аеонюшка, золотой мой паренекъ хочешь рѣ-
дечки?

— Не хочу.

— Хочешь огурчиковъ съ квасомъ?

— Не хочу.

— Хочешь колачика съ медкомъ?

— Хочу,—сказалъ дуракъ.

— Такъ сослужи мнѣ службу, отвяжи ты моего Васеньку да выведи ко мнѣ.

— Ладно,—сказалъ дуракъ и побѣжалъ въ хлѣвъ.

Долго ли, коротко ли онъ тамъ возился, а вышелъ-таки на дворъ, вытянулъ за собой чернаго козла Ваську, да и говоритъ сосѣдкѣ:

— На, возьми, только невѣсткѣ не сказывай.

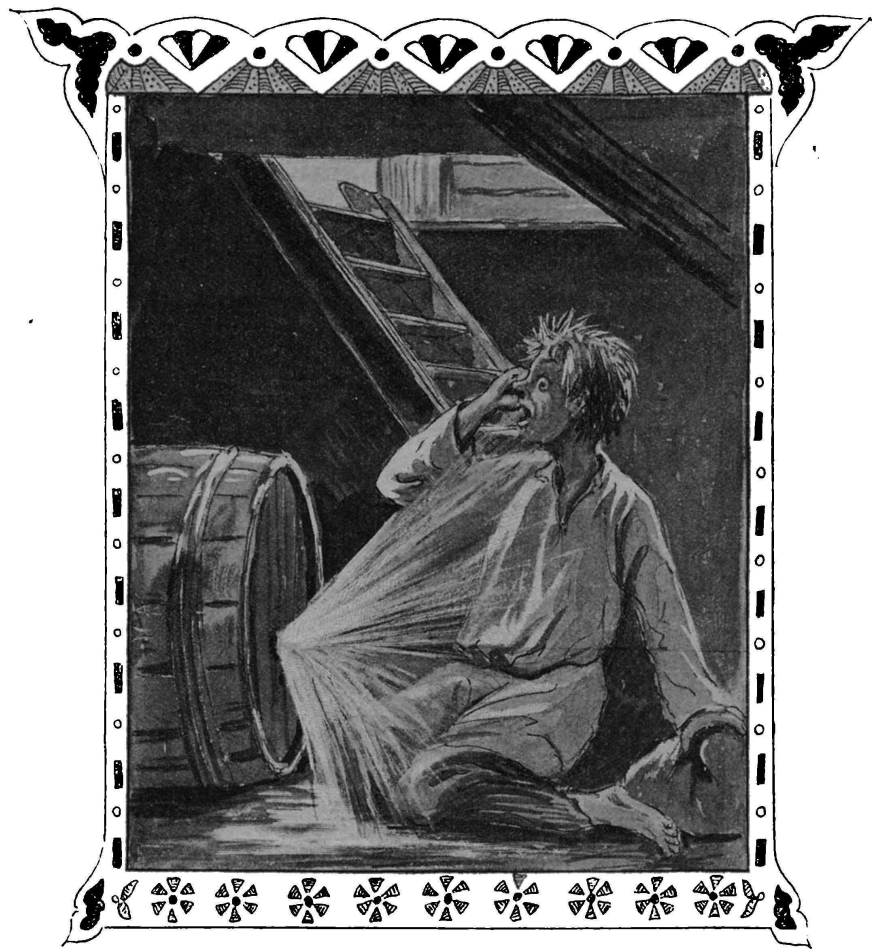
Разсердилась баба, что попусту время потеряла, чуть-чуть не вцѣпилась Аеонѣ въ волосы, да благо невѣстка вступилась. Оставила баба дурака и пошла дальше искать своего парнишку.

II.

Затѣяли разъ Кирила съ Гаврилой къ празднику пиво варить; въ бочку слили да въ погребъ бочку спустили. Стала хозяйка пивомъ хвалиться:

— Ахъ, кумушка - голубушка, какое у насъ къ празднику будетъ пиво, сущее диво: не успѣли въ бочку слить, а оно ужъ бродить и играть стало!

«Дай-ка,—думаетъ Аеонюшка,—погляжу я, какъ пиво играетъ, — въ свайку, въ лапту аль въ чехарду?»

Пошелъ, поглядѣлъ на бочку и около, пива не видать; нагнулся къ ней и слышитъ, что въ бочкѣ, какъ въ ульѣ, гудитъ.

— А-а! такъ вотъ оно какъ играетъ, — говоритъ Аѳоня, — знать, сердится, что его въ бочку заперли. Дай ототкну затычку, пусть его разгуляется!

Вотъ присѣлъ нашъ дуракъ къ бочкѣ и ну тянуть гвоздь; бочка покачнулась, пиво всколыхнулось, затычка выскочила, пѣна брызнула и залѣпила глаза дураку; пока онъ ихъ теръ-протиралъ, а пиво все до капли изъ бочки ушло и залило погребницу. Что дѣлать дураку! Взялъ колъ и ну хлестать по пиву, приговаривая:

— Вишь, глупсе, и на просторъ-то выпустить нельзя, полѣзай назадъ, доколѣ невѣстка не провѣдала!

Но пиво не слушалось дурака и въ бочку не шло. Разсердился Аѳоня, забранилъ пиво, захлесталъ его еще пуще прежняго. На крикъ дурака сбѣжались братья, увидали бѣду, выгнали дурака изъ погреба; знать, половица правду говоритъ: «Съ дураками пива не сваришь, а и сваришь, такъ не разопьешь».

Пуще же всѣхъ осерчала невѣстка:

— Не хочу съ дуракомъ жить; пусть его въ люди идетъ уму-разуму учиться!

III.

Вотъ и отдали дурака въ работники, а на тяжелую работу куда какъ онъ былъ дюжъ! Гаврила съ Кирилой ударили за брата по рукамъ, выговорили ему харчей вволю, одежду—зипунъ, сапоги, шапку да красный кушакъ—да по три деньги въ день. Увезли дурака за тридевять верстъ; прожилъ тамъ дуракъ безъ году недѣлю, соскучился по родной печи, по Жучкѣ, по братьямъ да по сердитой невѣсткѣ, простился съ хозяевами, обулся, одѣлся и пошелъ во-свояси. Вотъ идетъ онъ путемъ — дорогой; летитъ грачъ, кричить:

— Каръ-каръ, красны сапоги, красны сапоги.

Показалось Аѳонѣ, что грачъ кричить:

— Крадены сапоги, крадены сапоги.

Снялъ онъ сапоги, бросилъ ихъ и пошелъ дальше. Летитъ синичка, кричить:

— Зинь, зинь, зинь!

Аѳонѣ показалось, что синичка кричитъ:

— Скинь, скинь, скинь!

Снялъ онъ кафтанъ и бросилъ его на дорогѣ, а самъ пошелъ необутый, неодѣтый; погода же стояла куда какая морозная.

Вотъ пришелъ домой; первая увидала его невѣстка.

— Здорово, братъ Аѳоня, что больно налегкѣ пришелъ? Гдѣ же одежда?

— На дорогѣ оставилъ.

— Что такъ?

— Да вотъ такъ и такъ,—тутъ дуракъ ей все разсказалъ.

Всплеснула баба руками.

— Эхъ, Аѳоня, Аѳоня, на головѣ-то у тебя густо, а въ головѣ пусто. Тебѣ съ твоимъ умомъ только пугаломъ сидѣть!

Пришли братья, посердились на дурака, побранили его, а все-таки накормили, напоили и на печь спать уложили.

